

Всупереч негараздам, він і досі здатен сприймати красу навколо, яку персоніфікує: «Сонце лягає за гору, скидаючи своє золоте листя на воду, вдаряючи в ніжні дзвоники квітів у травах... Легкий вітерець грає моїм сивим волоссям» [8, 482]. Герой усвідомлює, який нелегкий шлях митця довелося йому подолати, адже неодноразово відчував загрозу, що постійно і скрізь на нього чатувала. Він зумів зрештою насолодитись результатами своєї діяльності: «Кожен крок мій був над крутизною і безоднею, а все-таки я виростив сад...» [8, 482]. Герой впевнений, що це не межа його можливостей, адже враховує негативний вплив ззовні, який став на заваді кращим результатам. Однак тепер він позбавлений відчуття смутку, тому що почувається щасливим. Такий внутрішній стан засвідчує заклик, що знаходить вираження через спонукальне речення: «Ходіть усі до мене!..» [8, 482]. Митець прагне долучити до свого творіння, відчуває у собі бажання поділитись своїм надбанням, адже «зелений, буйний сад – твір... життя». Як бачимо, так герой визначає значення своєї діяльності, на яку не пошкодував власного життя, адже увесь час віддавав їй, це було сенсом його існування.

Таким чином, Ф. Потушняк підтверджує тезу, що покликання людини полягає у свободній творчості, в якій вона самореалізується. Через нарацію від першої особи, що властиво для всіх поезій у прозі, письменник показує природу людини-митця, сутність його існування, психоемоційні стани, звеличує її діяльність, орієнтири якої визначає сама особистість, сповнена натхненням та нездоланим прагненням творити.

Список використаних джерел

1. Балла Е. Поезія в прозі Федора Потушняка: поетика жанру / Евеліна Балла // Науковий і мистецький світ Федора Потушняка : матеріали міжнар. наук. конф., присвяченої 100-річчю від дня народження видатного українського письменника і вченого / [упоряд. І. Ліхтей]. – Ужгород : Ліра, 2010. – С. 26–33.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / Михаил Бахтин. – [3-е изд.]. – М. : худ. лит., 1972. – 470 с.
3. Бехер И. Р. О литературе и искусстве / Иоганнес Бехер. – [2-е изд.]. – М. : Худ. лит., 1981. – 528 с.
4. Івасюк О. Поезія в прозі / Оксана Івасюк // Лексикон загального та порівняльного літературознавства / [за ред. А. Волкова, О. Бойченка та ін.]. – Чернівці : Золоті литаври, 2001. – С. 422.
5. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М. : Золотой век, 1995. – 401 с.
6. Микитась В. Л. Повінь життя і творчості митця / Василь Микитась // Потушняк Ф. Повінь : оповідання, новели, поезії в прозі, роман / Федір Потушняк ; [упоряд., передм. та прим. В. Л. Микитася]. – Ужгород : Карпати, 1985. – С. 5–15.
7. Поп В. Сторінки долі народної / Василь Поп // Потушняк Ф. Твори : роман, оповідання, поезії в прозі / Федір Потушняк. – К. : Дніпро, 1980. – С. 3–12.
8. Потушняк Ф. Твори : роман, оповідання, поезії в прозі / Федір Потушняк. – К. : Дніпро, 1980. – 495 с.

Summary. F. Potushniak's works became a research object in the article. They are poetry in prose according to the genre. The specific of consideration of artist's problem by the Ukrainian writer is outlined. It is proved that F. Potushniak glorifies in the poetry in prose the process of creation and shows nature of man-artist, the way of his existence. In the research the especial attention is paid to analysis tropes.

Key words: poetry in prose, genre, artist, creative work, image, epithet, metaphor, symbol.

УДК 821.411.16'06.09

П.Л.Шульк

АНДРОГИННЫЕ ОБРАЗЫ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья первая.

Андрогин поневоле

У статті досліджується проблема андрогінності в ізраїльській жіночій літературі. Аналіз творів Йони Волах і Нуріт Зархі дозволяє пояснити обумовленість андрогінної поведінки героїнь як прагненням соціальної адаптації, так і спробою зрозуміти внутрішнє неприйняття свого

гендерного і навіть фізіологічного визначення. Автор статті звертає увагу на те, що у творах ізраїльських письменниць відчуття андрогінності викликає у героїнь певний дискомфорт.

Ключові слова: андрогінність, гендер, жіноча література, соціальна адаптація, біблійні тексти.

Смысл понятного для многих слова андрогин на деле оказывается не таким однозначным, несмотря на его ясные греческие корни: *андр* – мужчина и *гине* – женщина. Но уже древние греки могли использовать это слово и как синоним к слову гермафродит, понимая его как наличие мужских и женских признаков в одном организме, и как явление, объясняющее свойственное людям любовное влечение друг к другу. Именно об этом «Пир» Платона, где автор излагает легенду о людях-андрогинах, разделенных обеспокоенным Зевсом на две половины – мужскую и женскую [10].

И хотя сейчас *андрогинность* описывает скорее психосоциальные, нежели физиологические или анатомические характеристики, а слово *андрогин* указывает на человека, «который не подходит ни под определение маскулинной, ни фемининной гендерной роли, сформировавшейся в том обществе, где он находится» [7], явление андрогинности остается предметом критики, споров и причин появления множества концепций, диапазон которых охватывает широкий спектр мнений. Среди них: попытки объяснить с помощью этого явления причины гомосексуальности (Зигмунд Фрейд [13], Карл Юнг, Альфред Кинси [18; 19], Эрих Фромм [14] и др.) и оправдать андрогинное поведение мальчиков и девочек (С. Martin, D. Ruble [20]), обеспокоенность мужчин маскулинной активностью женщин (Роберт Дж. Столлер [11]) и, наконец, революционный вывод о том, что андрогиния обеспечивает большие возможности социальной адаптации (Сандра Бем [17]).

Но Сандра Бем, которую считают создателем теории андрогинности, и которая полагает, что даже желательно быть андрогинным, признает, «что концепция андрогинии далека от реального положения дел, так как переход личности к андрогинии требует изменений не личностных особенностей, а структуры общественных институтов. Кроме того, существует опасность утраты того положительного, что несет в себе сглаживание дихотомии мужского–женского» [5, 10].

Какое, казалось бы, дело литературе до этих научных споров, но рефлектирующее сознание литературных героев, чье место обусловлено гендерными стереотипами, пытается эмансипироваться от этой обусловленности и опосредованно проецирует идею единства двух противоположностей мужского и женского в область художественного творчества. И не удивительно, что в маскулинно ориентированном мире эта проблема больше представлена в женской литературе. Израильская литература не исключение, тем более что в еврейской культурной традиции она (проблема) присутствует еще с древнейших времен. Достаточно вспомнить своеобразную интерпретацию библейского рассказа о сотворении человека, в котором «толкователи различали Адама, созданного из земли (Быт. 2:7), и Адама, сотворенного «по образу и подобию божьему» (1:27)» [2], что воспринималось, как указание на соединение в Адаме Кадмоне мужского и женского начал. Текст позволил феминисткам увидеть в этом указании андрогинность самого Бога: «В Книге Бытия говорится, что человечество создано “мужским и женским” по образу и подобию Божьему, из чего следует, что Бог должен быть Андрогинном, и Отцом, и Матерью» [12]. В то же время христианская религиозная традиция больше обращает внимание на вторую главу, автором которой называют Ягвиста (тогда как автором первой считают Элогиста), и все потому, что она дает возможность обосновать догмат о первородном грехе. Некорректная интерпретация мифа в раннем христианстве (Ф.Аквинский¹, Августин Блаженный [1, с. 24]), все же не помешала представителям современного православия говорить об идее андрогинности первочеловека, но только затем, чтобы доказать ее несостоятельность² и заявить, вслед за И. Петровским [9], что в основе античного андрогина заложена категория пола, христианство же оперирует категориями личности. Разночтения первой и второй глав Ветхого Завета создают основу скорее для гендерных построений и переносят проблему андрогинности в область социокультурных практик, что актуально для современности, но не совсем характерно для древних эпох. Гомоэротические отношения библейских героев подтверждают это.

Израильский писатель, публицист Михаэль Дорфман в статье «Грубый любовник Израиля», анализируя книгу профессора Чикагской теологической семинарии Теодора Дженнигса «Рана Иакова: гомоэротический нарратив в литературе Древнего Израиля» [6], обращает внимание на то, как автор убедительно, но не бесспорно, описывает треугольник отношений – Давид, Ионатан и Саул. Библейский текст подчеркивает физическую красоту героев: Саул – «молодой и красивый; и не было никого из Израильтян красивее его» (1-я Царств 9:2), Давид – «белокур, с красивыми глазами и приятным лицом» (1-я Царств 16:12). «У Саула и Ионатана были преданные оруженосцы, служившие им, как Патрокл Ахиллу. Гомоэротическая составляющая в таких отношениях была очень существенной» [6].

Оруженосец Саула Давид получает от его сына Ионатана в подарок доспехи, оружие и одежду (1 Сам 18:4), принадлежащие самому Ионатану. Это вызывает гнев Саула, который в отноше-

ниях сына и Давида усматривает сексуальный характер: «сын негодный и непокорный! разве я не знаю, что ты подружился с сыном Иессеевым на срам себе и на срам матери твоей?» (1 Сам 20:30, в синод. переводе – 1 Царств 20:31). Подтверждением этому служат слова Давида о Ионатане: «любовь твоя была для меня превыше любви женской» (2 Сам в синод. переводе – 2 Царств 1:26) и признание Саулом Давида своим «двойным» зятем – через дочь Михаль и через сына Ионатана. И тут нельзя не согласиться с таким пассажем М. Дорфмана: «Разумеется, такие отношения между мужчинами не обязательно сексуально окрашены, но здесь очень трудно отделаться от ощущения, что речь идет именно об эротике – они выражены телесны. На гомоэротические отношения в древнем мире смотрели не так, как сегодня. Рассуждения о том, что Иосиф или Давид с Ионатаном (в русской традиции Ионафан) были геями, давно уже не новы – вдохновляющий мотив для одних, немыслимое богохульство для других, банальность для третьих» [6].

Более того существует весьма интересное, хоть также спорное, толкование истории о борьбе Иакова с Богом. Характер ранения, полученного Иаковом в схватке с Богом – поврежденный седалищный нерв в «основе бедра» (Бытие 32:32) – прямо указывает на акт изнасилования. И это важно для понимания отношений Бога со своим возлюбленным народом. Это отношения неистовой ревности, капризов, требования верности: страстная, яростная любовь. Так, по мнению Теодора Дженнигса, воспринимали библейские истории две тысячи и более лет назад.

Но древняя легенда, связанная с проблемами любви и поиска своих половинок, не совсем то, о чем говорит нам современная женская израильская литература. Андрогинность израильских героинь это не только и часто даже вовсе не лесбийская любовь. Это или андрогинное поведение (женщина берет на себя функции, которые в обществе принято считать мужскими), обусловленное стремлением к социальной адаптации, или попытка осмыслить внутреннее неприятие своего гендерного и даже физиологического определения, как в поэзии Йоны Волах, где постоянным мотивом становится «поиск адекватного своей личности пола». Но в данном случае этот мотив не только свидетельство ориентации культуры модернизма на идеал андрогинного [15, 120], но следствие андрогинного имени поэтессы: Йона.

Сарна И., биограф Ионы Волах, акцентирует внимание на этом имени: «Они назвали ее Иона, по имени покойной матери Махаэля [отца поэтессы], по имени его погибшей в лагерях племянницы и по имени дяди, отца Эстер [матери поэтессы], который в то время числился пропавшим. «Проклятое жуткое имя, – напишет 14-летняя Иона Волах своему собрату по перу, – андрогинное имя» [Цит по: 8]³

В стихотворении Волах имя Йона превращается в Йонатан – четкое отмежевание от андрогинности в пользу однополости – указание на мужской пол лирического героя, но это имя уводит всех от истины и читатель вместе с героями, окружающими Йонатана, пытается понять, кто он такой:

Йонатан

*Я бегу по мосту
А ребята за мной
Йонатан
Йонатан они зовут
Чутьочку крови
Только чутьочку крови
подсластить нам мед
Я согласен на дырку от кнопки
Но ребята хотят
И они дети
А я Йонатан
Они рубят мне голову стеблем
Гладиолуса и подбирают мою голову
Двумя стеблями гладиолуса
и заворачивают
Мою голову в шуршащий целлофан
Йонатан
Йонатан они говорят
Правда прости нас
Мы даже не думали что ты такой [Цит.по: 8].*

В пользу однополости говорит и соотнесенность лирического героя через упоминание меда и смерти с библейским Йонатаном⁴. И все же эта однополость не убедительна, потому и возникает вопрос: кто он такой? Йона Волах не дает ответа, но фраза: «Мы даже не думали что ты такой» невольно подсказывает его: он – она (девочка). Четко заявленная в стихотворении оппозиция «они (дети) – я» для самой поэтессы не столь трагична, сколь трагично осознание: основа одино-

чества ее и ее героя-героини – в невозможности определения адекватного своей личности пола. В жизни попытка понять свою гендерную идентичность приводит Йону Волах к гомо- и к гетеросексуальным отношениям [8], в литературе – к многовекторным оппозициям, где «они» – это кто угодно, а «я» – это или просто «я», или «он», или «она», или «он+она».

В стихотворении «Она – Йосеф» известной израильской писательницы Нурит Зархи присутствуют две оппозиции, определенные уже самим названием произведения. Первая – в сознании героини: это противопоставлении ее женской сущности (Я) – ее мужскому имени (Йосеф). Вторая – в определении гендерной сущности героини окружающими («снаружи (... взгляд со стороны)» [16]) и ею самой («внутри (имманентная сущность) [8]»).

Она – Йосеф

*Рахель сидит в шатре
прясть за прядью сплетает в косе
и под шелковой шапочкой прячет
на головке дочурки, а она – Йосеф
ведь если ты ребенка хотела
а дни твои сочтены
что, кроме обмана, поможет
волю Всевышнего изменить
малышка сидит в шатре –
рубашка пестра, как веночек, –
тайну постигнешь – девчонка
а взглядом окинешь – сынок
сейчас всему миру известно
злословьем ее не порочь
наследника мужу Рахель родила
и это – ее дочь*

.....
*малышка сидит в шатре
не забыть ей волшебную ночь
смотрят люди и видят – мальчик
но сокрыта в мальчике дочь [Цит. по: 8]*

Но если гендерный дискомфорт Йоны Волах и ее героинь в общем понятен, то произведение Нурит Зархи сначала внушает мысль о желании автора поиграть с библейским текстом⁵, тем более, что подчеркнутая в Библии женственность Иосифа⁶ провоцирует на неоднозначное его восприятие. Но такая игра всегда на грани экспериментаторства и творчества и может или завести в тупик, или поставить под сомнение творческий потенциал. От этой опасности Нурит Зархи спасает написанный ею позже на эту же тему и под тем же названием рассказ, который помогает понять, что намерение писательницы значительно глубже и тема эта выстрадана ею как женщиной.

В рассказе писательница продолжает развивать тему колдовства Рахели, но уже мотивирует желание матери превратить дочь в сына: «Многие годы жена не могла родить ему сына. Снова и снова обращалась она к врачам, колдунам и знахаркам, и вот наконец родила и теперь схитрила, представила дело так, будто младенец – мальчик» [Цит. по: 8].

Героиня Зархи в отличие от Йонатана осознает свою гендерную принадлежность и могла бы открыть свою тайну после смерти матери, но во враждебном ей маскулинном мире (нелюбящий отец, ненавидящие братья) «Йосеф и сама не знает, хорошо ли, плохо ли, что у нее есть тайна, однако крепко хранит ее в сердце, ведь если б ее просто любили, не пришлось бы ей жить под чужой личиной (выделено мной – П.Ш.)» [Цит. по: 8].

Характер отношений между героями создает в рассказе свои оппозиции:

- «Я» (дочь, чувствующая нелюбовь отца) – отец, знающий тайну дочери, выдаваемой за сына;
- «Я» (сестра, «бледная Йосеф») – братья, ненавидящие брата Йосефа: «Братья смеются, но лица у них недобрые», «Скажи она, что не считает себя важнее их хоть на один колосок, они все равно не поверят» [Цит. по: 8];
- «Я» (девочка) – «Оно» (она+он): «Девочка привыкла бродить по дому отца, уже без матери, – одетая, как мальчик, в пестротканую рубашку. А рубашка – как Адам, когда он сам по себе, – ни мужчина, ни женщина, а возможно, мужчина и женщина вместе, ведь решить это достоверно можно, лишь если рядом есть кто-то еще, однако разумно ли доверять столь важное решение постороннему?» [Цит. по: 8];
- «Я» (она) в реальном мире – Йосеф (его душа) в надмирном бытии.

Последняя оппозиция условна, символична. Но она оправдывает обращение к библейским образам. Жизнь в двух мирах: реальном и мире сновидений проецирует женскую ипостась Йо-

сефа на фигуру легендарного героя еврейской истории, который смог не только сквозь оболочку снов увидеть реальный ход земной жизни, но и сыграть уникальную роль в судьбе своего народа. У библейского героя и героини Зархи много общего: имя, умение видеть и толковать сны и тайна двойного бытия. Но хотя главная причина этой тайны похожа – нелюбовь окружающих, библейский Йосеф свободен от проблемы гендерной идентичности, тогда как Йосеф Зархи страдает еще и от того, что не может сбросить навязанную чужой тайной внешнюю мужскую оболочку и открыть тайну своей женской сущности. Но как ни странно в этой невозможности – ее главное превосходство, и ее спасение. И как говорит писательница: *«Так ли, так ли, во всей той истории нет даже краткого облегчения, момента, когда Йосеф мог бы доверить свою тайну читателям или кому-то из присутствующих. Исключение составляет, пожалуй, тот миг, когда он приказал: «Выведите всех от меня» – и остался наедине с собой, плача и вспоминая то, что могло бы произойти, но так и не произошло. Мужчина он или женщина? И еще вопрос, на который нет ответа, – является ли он разгадкой или загадкой, которая и есть жизнь. Однако Йосеф был свидетелем и этого не знал»* [Цит. по: 8].

В израильской литературе ощущение андрогинности вызывает у героинь определенный дискомфорт, тогда, как мужчины-герои испытывают от этого удовлетворение и даже получают бонусы⁷

В то же время в израильской женской литературе нередкость героини, которые вслед за персонажем повести Исаака Башевиса Зингера «Ентл-ешиботник» [3] задают себе вопрос: *«Тогда почему я родилась женщиной?»*. Это женщины, которые культивируют мужской тип поведения, не умеющие жеманиться и кокетничать, не умеющие быть ни хозяйкой дома, ни матерью. И если в рассмотренных произведениях андрогинность героинь навязана им разными обстоятельствами, маскулинное поведение женщин в творчестве Орли Кастель-Блум, Цруи Шалев, Леи Эйни и Элеоноры Лев – сознательный выбор, продиктованный стремлением к социальной адаптации. Об этом речь пойдет в следующей статье.

Примечания

- ¹ «А вслед за ним святой Фома Аквинский утверждает, что женщина – это “несостоявшийся мужчина”, существо “побочное”. Именно это и символизирует история Бытия, где Ева представляется сделанной, по словам Боссюэ, из “лишней кости” Адама» [см.: 4, 27].
- ² «Не схожа ли библейская картина творения человека с античным мифом об идеальном половом единстве в андрогине? Ведь в библейском тексте речь тоже сначала идет о цельном человеке без половых признаков. На самом деле, идея андрогина в корне чужда библейскому представлению. «Человек» первой главы книги Бытия – это и мужчина, и женщина как одно целое, одно лицо, в котором объединены, скорее, мужская и женская природа, но не пол в физиологическом смысле» [9].
- ³ Само ивритское слово נִיָּו (йона), имеет грамматический признак женского рода נִיָּו и считается на иврите словом, относящимся к женскому роду, хотя и обозначает особей как женского, так и мужского рода – голубь, голубка.
- ⁴ «И сказал Шауль Йонатану: расскажи мне, что сделал ты? И рассказал ему Йонатан и сказал: я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меду, и вот, я должен умереть. Но народ вступился за Йонатана пред Б-гом и царем, и «освободил народ Йонатана, и не умер он» (Млахим I (Книга Царств), 14:43-45).
- ⁵ Зоя Копельман обращает внимание [8], на библейский источник строчек Зархи *«сейчас всему миру известно /злословьем ее не пороч»*: «И вспомнил Б-г о Рахели, и услышал ее Б-г, и отверз утробу ее. Она зачала и родила сына, и сказала: снял Б-г позор мой. И нарекла ему имя: Йосеф, сказав: Г-сподь даст мне и другого сына» (Берешит (Книга Бытия), 30:22-24).
- ⁶ «Йосеф семнадцати лет был <...> и он – отрок» (Берешит, 37:2) Коментатор Раши: «Оттого что делал то, что делают отроковицы: укладывал волосы, красил глаза, чтобы выглядеть красивым».
- ⁷ Как говорит герой романа Цруи Шалев: «Я всегда хотел кормить грудью, а еще больше – родить» [16, 13], а могильщик Йона из рассказа Ашера Райха «Кормилица Иона» [21], начав кормить своих детей грудью, превратился в статного приятного мужчину, чудотворца и приобрел значительный вес в хасидской общине.

Список использованных источников

1. Августин А. О супружестве и похоти / А. Августин / Сост. О.П. Зубец // Трактаты о любви. Сб. текстов. – М.: ИФРАН, 1999. – 187 с.
2. Аверинцев С. С. Адам Кадмон. [Электронный ресурс] / С. С. Аверинцев. – Ресурс доступа: <http://www.mifinarodov.com/a/adam-kadmon.html>
3. Башевис-Зингер И. Ентл-ешиботник // Башевис-Зингер И. Сборник рассказов. Иерусалим : Библиотека Алия, 1990. – С. 215–242

4. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц. / С. де Бовуар / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. – М. : Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
5. Гендерная психология и педагогика: словарь-справочник /Авт.-сост. С. Д. Липатова. – Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2008. – 226 с
6. Дорфман Михаэль. Грубый любовник Израиля. [Электронный ресурс] / Михаэль Дорфман. – Ресурс доступа: <http://booknik.ru/reviews/non-fiction/grubyi-lyubovnik-izrailya/>
7. Ильин Евгений Павлович. Теория андрогинности Электронный ресурс / Евгений Павлович Ильин // Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины (2003 г.). – Режим доступа: <http://www.vash-psiholog.info/d/137/7909-13-2-teoriya-androginnosti.html>.
8. Копельман Зоя. О гендерных метаморфозах в ивритской литературе [Электронный ресурс] / Зоя Копельман // Лехаим. – Ноябрь 2011 (хешван 5772) – № 11(235). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/235/kopelman.htm>
9. Петровский И. Мужчина и женщина. Ошибка Бога или полнота счастья? [Электронный ресурс] / И. Петровский // Единое Отечество. – Режим доступа: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20108/3006.htm>.
10. Платон. Пир / Платон. – М.: Мысль. – 1993. – С. 98-103.
11. Столлер Роберт Дж. Влияние биологических факторов на гендерную идентичность / Роберт Дж. Столлер // Сексология / Под науч. ред. Д. Н. Исаева. – СПб.: Питер, 2001. – С. 133–144.
12. Суковатая В. Гендерный анализ религий и феминистская теология: к постановке проблемы. [Электронный ресурс] / В. Суковатая. – Режим доступа: http://www.nuntiare.org/librory/gender_1.htm.
13. Фрейд З. Психология сексуальности / З. Фрейд. – Минск: Прамеб, 1993. – 160 с.
14. Фромм Э. Искусство любви / Э. Фромм. – Минск: ТПЦ «Полифакт», 1990. – 80 с.
15. Шаберт И. Гендер как категория новой истории литературы / И. Шаберт // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. Т. 1. – М., 1999. С. 109 – 118.
16. Шалев Цруйя. Я танцевала, я стояла / Цруйя Шалев. – Иерусалим : Гешарим; М. : Мосты культуры, 5761 – 2000. – 176 с.
17. Bem S. L. The measurement of psychological androgyny / S. L. Bem // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1974. – № 42 (2). – P. 155–162
18. Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E. Sexual Behavior in the Human Male [Электронный ресурс] / A. C. Kinsey, W. B. Pomeroy, C. E. Martin. – Bloomington, IN, 1975. – Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=pfMKrY3VvigC&printsec=frontcover&dq=Sexual+Behavior+in+the+Human+Male&hl=ru&ei=2YhKTfe6IYKCOu26tUA&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=1&ved=0CCkQ6AEwAA#v=onepage&q&f=false
19. Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E., Gebhard P. H. Sexual Behavior in the Human Female [Электронный ресурс] / A. C. Kinsey, W. B. Pomeroy, C. E. Martin, P. H. Gebhard. – Bloomington, IN, 1998. –Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=9GpBB61LV14C&printsec=frontcover&dq=Sexual+Behavior+in+the+Human+feMale&hl=ru&ei=54hKTYHcBYifOoutxAM&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=1&ved=0CCkQ6AEwAA#v=onepage&q&f=false.
20. Martin C.L., Ruble, D.N. Patterns of gender development / C.L. Martin, D.N. Ruble // Annual Review of Psychology. – № 61. – С. 353-381.
21. .115-97.עמ—2004, הוצ' הקיבוץ המאוחד, סיפורים. איש עם דלת. אשר רייך // אשר רייך יונה המינקת

Summary. The article raises the problem of androgenism in Israeli women's literature. The analysis of works by Jona Volah and Nurit Zarhi shows that the androgenic behavior of female characters may be explained by the desire for social adaptation as well as by an attempt to understand the inner non-acceptance of their gender and even physiological identity. The author of the article makes an observation that in works of female Israeli writers the feeling of androgenism causes female characters certain discomfort.

Key-words: androgenism, gender, women's literature, social adaptation, Biblical texts.